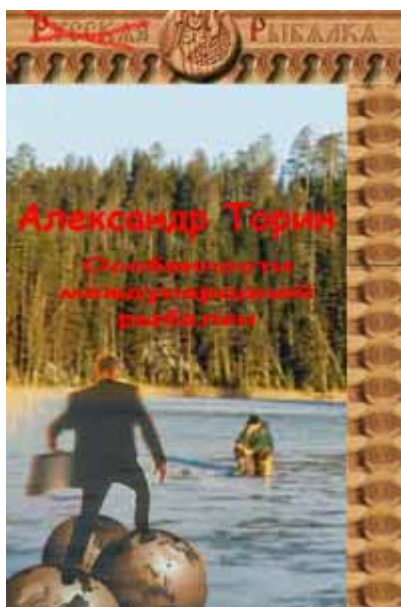

Александр Торин

Особенности международной рыбалки

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

1.

– Завтра едем на рыбалку, и никаких возражений, – решительно заявил Шурик. Он завернулся в полотенце и вполне мог сойти за римского патриция, вылезшего из терм. В правой руке Шурик держал пластиковый стаканчик с водкой, между указательным и средним пальцами левой было зажато нечто, напоминающее гигантскую сигару.

– Будем здоровы, – уклончиво ответил я.

– А ты как-то скромно. Закусывай, – Шурик протянул мне сигарообразный объект, оказавшийся маринованным огурчиком, с любовью обернутым пластом начинающей сереть ветчины.

– Спасибо, я не хочу.

– Обижаешь. Кто не с нами, тот против нас. А ты с кем? – Шурик слегка покачивался.

– Это как понимать? – я попытался сфокусировать убегающие мысли на многозначных трактовках заданного вопроса, но сознание витало над сиюминутным, судорожно выхватывая дрожащие лоскуты фрагментов из целостной картины бытия. Все мы были видны как на ладони. Так, наверное, бывает, когда душа отделяется от тела.

С высоты духовного полета бытие выглядело весьма непривлекательно. Несколько мокрых, весьма нетрезвых мужиков, вылезших из бассейна, отчаянно парили. Сильнее всего почему-то пар шел от меня.

В феврале вода в Калифорнии остывает до двенадцати градусов. В трезвом состоянии мы бы купаться не полезли, но Серега с Шуриком уронили именинника в бассейн. Дурной пример заразителен, и мы около получаса с увлечением плескались и кидались друг в друга детским мячиком.

На кухне горел свет, и было шумно: женщины наслаждались тортом домашнего приготовления с ромовой пропиткой. В соседней комнате единственным источником света был экран компьютера. Там сидели подрастающие цветы наших жизней, по очереди пытаюсь сбить протонными ракетами корабль зловредных пришельцев.

– Значит, завтра едем на рыбалку, – Шурик безжалостно вернул меня на землю. – Твоя очередь баранку крутить. Встаем часа в четыре, как обычно, и – вперед.

– Сбавь обороты, я еще не осознал зияющей глубины твоей идеи.

– Все уже на мази, – чокнулся со мной Шурик. – И не вздумай откалываться от коллектива.

– Эй, вы что, охренели? Так и замерзнуть можно, февраль на дворе, честное слово! Давайте, давайте, – Илларион, он же Лариосик, хозяин дома и именинник, бродил с пузатой бутылкой, пытаюсь облагодетельствовать гостей.

– Давно пора, – Шурик откусил половину огурчика в ветчинной упаковке. – Я считаю, что пора выпить за прекрасных дам.

– Саша, тебе, кажется, уже хватит! – Жена рыжебородого любителя рыбной ловли высунула голову на улицу.

– Дорогая, – Шурик выдержал паузу, дожидаясь, пока Марина исчезнет в комнате. – Ты замечал, что у жен чутье необыкновенное? То-то и оно. Женская интуиция. Мы этого дара лишены.

– Так что ты там про рыбалку говорил?

– Едем на Лох-Ломонд, милейшее горное озеро. Название, впрочем, шотландское, что твой Лох-Несс. Я где-то читал, что шотландцы грузины. Или евреи. Илларион! Именинник!

– Понял, – Лариосик не расставался с бутылкой «Столичной». Как радушный грузинский хозяин, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь из гостей хоть на секунду протрезвел. – Можете не продолжать. Я чувствую душой все ваши сокровенные желания. Вот просплюсь, вспомню, какая падла меня в бассейн уронила, и...

– И что?

– И скажу все, что думаю.

– Лариосик, лучше скажи нам, как кавказский человек. Шотландцы – они евреи, или грузины?

– Грузины! – убежденно ответил именинник. – А Сталин шотландец.

– Совсем ты охренел, Лариосик. При чем здесь Сталин?

– Замнем для ясности. В общем, выпьем за дружбу народов...

– Саша! – жена Шурика снова выглянула на улицу. Ее взгляд не оставлял никаких сомнений в серьезности назревающей ситуации.

– Значит так, мужики, – Шурик поставил стаканчик на догорающие в жаровне угли. Водка вспыхнула, выпустив реактивные языки пламени в звездные небеса. Запахло горелой пластмассой.

– Ты чего творишь, пиротехник хренов!

– Все, братцы, завязал. Не корысти ради, а токмо волею.

– Все женщины одинаковы, – я по обыкновению стремился к обобщениям. – Они хотят поддерживать очаг, укреплять гнездышко и продолжать род. Они испытывают беспокойство при виде принявшего внутрь мужчины. Потому что, если именно этой ночью на пещеру нападет соседнее племя людоедов, или на свет костра забредет саблезубый тигр... Или, скажем, появится молодая, стройная самка, никогда не носившая детей, и бесстыдно начнет танцевать около костра, сбросив с себя засаленные медвежьи шкуры.

– Знаешь, а ты в чем-то прав, – согласился Шурик. – Он тяжело задумался, и думал минуты полторы, видимо, представляя себе соблазнительных неандерталок и вымерших пещерных медведей. – Короче, давай на посошок... – Он снова замолк. – И на озеро! – Шурик потерял равновесие и рухнул в бассейн. Лысина его скрылась под водой, безжизненные руки изобразили распятие в невесомости, ноги пару раз дернулись, и спазматически напряглись.

Шурик опускался на дно, подсвеченный голубыми бликами, и пускал маленькие, серебристые пузырьки.

– О, Господи! – Марина бросилась к воде. – Он же тонет! Да что вы все стоите, он захлебнется!

– Сейчас, – мне стало смешно. – На счет три! Раз. Два.

Голова Шурика всплыла над поверхностью, отфыркалась, и энергично проревела: «И на Тихом океане свой закончили поход!».

Более всего в тот момент Шурик напоминал пьяного морского льва.

2.

Водитель на рыбалке должен встать раньше всех и объезжать рыбаков, зачастую забывших о своем опрометчивом решении, стучаться в двери, вызывая ненависть заспанных жен, вытряхивать приятелей из постелей. Водитель вынужден оставаться

трезвым до самого вечера. А ловить рыбу в трезвом состоянии хуже, чем нюхать розы в противогазе, это откровение в прошлом году снизошло на Серегу.

К моему удивлению, Сергей стоял на улице в условленном месте. Он был похмельно-мрачен и нервно курил.

– Живой? – осторожно осведомился я, открыв дверцу.

– Знаешь, какое самое ужасное воплощение американского образа жизни? Водяные кровати. Они так раскачиваются, что самый убежденный трезвенник мгновенно получает приступ морской болезни. Пиво есть?

– В багажнике, как всегда.

– Уфф, – Серега перелез через заднее сиденье микроавтобуса. Вернулся он просветленным.

– Нас утро встречает прохладой, – саркастически заметил я.

– Слушай, что ты так неровно ведешь? – перевел Сергей тему.

– В смысле?

– То ускоряешься, то останавливаешься. Растрясешь всего.

– Нет, ты подумай только, какие мы нежные! А светофоры?

– Ночь же еще, ни одной машины нет.

– Нет уж, Серый, извини. А фотокамеры? Потом пришлют квитанцию по почте, и пиши – пропало.

– Полицейское государство, – сделал вывод Серега.

– Ты знаешь, я много думал об этом. И пришел к выводу, что любое государство – это насилие.

– А дома снегом все занесло, тишина... – после третьей бутылки пива Серега проник в небесный астрал.

Вторым на очереди был Женька. На звонки в дверь он не отвечал, а жена его на прошлой неделе улетела в Москву, так что мне пришлось несколько раз нажать на гудок.

– Ну что ты делаешь, честное слово! Клаксон, твою мать! Всю улицу перебудишь, – высунулся усатый из окна. – Езжайте без меня.

– Давай, давай, вылезай скорее.

– Я передумал. Имею право.

– Не имеешь!

– Я лучше поплю!

– Помнишь, ты в прошлом году проспал, а мы поймали здоровущего сома. Смотри, потом локти кусать будешь.

– Да ну его на хрен, – Женька сделал попытку сползти на пол. Когда его усы поравнялись с уровнем подоконника, пришлось прибегнуть к крайнему средству убеждения: я достал из-под сиденья термос и многозначительно потряс им в воздухе.

– Ну и что это должно означать? – растерянно спросил Женька.

– Сам знаешь...

– Роса? – сглотнул он слюну.

Крепкий кофе был примерно наполовину разбавлен хорошим коньяком. Гремучая эта смесь была любимым похмельным напитком Женьки под кодовым названием «Утренняя роса».

– Сейчас, – Женька начал суетиться. – Вы без меня не пейте. Я быстренько, только куртку найду.

Добыча уже прочно сидела на крючке. Аккуратно подвести ее к дверце микроавтобуса теперь не представляло никакого труда.

У Шурика дома горел свет. Там назревал семейный скандал.

– Господи, за что это мне! – возмущалась Маринка. – Опять ты со своей рыбалкой, а сам уже третью неделю обещаешь, что спилишь засохшую ветку на пальме. Дождешься, она свалится соседям на голову, и нас засудят!

– Девочка, ты же знаешь, как я тебя люблю, – расслабленно отвечал Шурик.

– Знаю, знаю. А вы мне все до смерти надоели, слышите! – Маринка, хотя и ругалась, закинула в сумку теплую рубашку. – Ведь он вчера, когда со дня рождения приехал, все стонал, что простудился насмерть, потом выжрал полбутылки коньяка и всю ночь храпел, как питекантроп. Сколько это может продолжаться?

– Он сказал: «Поехали», – в руках у Шурика был пластмассовый холодильник, в недрах которого призывно позвякивало.

– Если сегодня вечером от тебя будет пахнуть спиртным... – Маринка задумалась, пытаюсь придумать, что же именно тогда произойдет. – Чистить свою вонючую рыбу будешь сам! С меня довольно!

– Ах, женщины, – вздохнул Шурик. – Прекрасные, но изнеженные, а потому – чудовищные создания. Разве может сравниться любовь к женщине с суровой мужской дружбой.

– Как я посмотрю, географическая близость к голубым кварталам Сан-Франциско для тебя явно даром не прошла, – заржал Женька.

– Господи, нигде нет покоя моей душе. Всюду гнусные злопыхатели. Поехали лучше за Лариосиком, а то клев пропустим.

3.

– Мать честная, это что еще за явление природы? – Женька от удивления подавился «Утренней росой».

Рядом с Лариосиком, по грудь утопшим в тумане, смутно видна была голова Уфука, выпускника политеха в Анкаре. Лариосик как-то похвалялся тем, что сбил своего сослуживца с праведного мусульманского пути: приучил пить грузинское вино.

Справа от Уфука туман рассекал его пожилой папа, приехавший навестить сына. Папа был одет в белые шаровары и темный пиджак с позолоченными пуговицами военно-морского образца, на голове у него тускло мерцала малиновая феска, а в правой руке кастаньетами клацали черные четки. В левой руке папа держал две бамбуковые удочки.

– Гюнайдын, – жизнерадостно развел руками папа.

– Мужики, я вам сейчас все объясню. Я Уфука еще в пятницу пригласил, – смущенно начал бормотать Лариосик. – А у него папа гостит, ну и сами понимаете, неудобно...

– Ну да, соседи все-таки. От Батума до Стамбула рукой подать, – саркастически поджал губы Шурик. – Русским ногой под зад дали, теперь укрепляем, так сказать, культурные связи с ближневосточным зарубежьем.

– Да ну вас, – зашипел Лариосик. – Неловко. – Плиз, – показал он на заднее сиденье. – Уфук, итз окей. Ребята, подвиньтесь, что вы расселись, честное слово.

- Тешекюр, тешекюр, – обрадовался турок в феске.
- Взятие Измаила в миниатюре, – вздохнул Шурик.
- Ишмаил, – закачал головой папа в феске с четками. – Сенлибенли.
- Ну, понятное дело, Истанбул.
- Иштанбул, – согласился папа.
- Господи, как башка трещит, – страдальчески скривился Серега.
- Башка, – радостно улыбнулся папа.
- Цай, – зацокал Серега. – Султан-паша.
- Султан, – еще более обрадовано повторил папа..
- Ну все, общий язык найден, – констатировал Женя. – Угощайтесь, – он расщедрился и налил в стаканчик «Утреннюю росу». В салоне сильно запахло коньяком.
- Хайыр! Бююк утандыр! – побелел отец.
- Серый, слушай, я тебя умоляю, – Лариосик схватился за сердце. – Не здесь, не сейчас! Дайте папе акклиматизироваться, он же непьющий по религиозно-этическим соображениям!
- Ну вот, приехали! – Женя с явным разочарованием вылил кофе обратно в термос. – Ты уточни, по этическим или по этническим?
- Филолог ты хренов. Ты бы на себя посмотрел, – неодобрительно поморщился Шурик. – Жирный, как боров, заработал мешки под глазами, весь из себя небритый, да и пьешь какую-то дрянь. Еще «Утренней росой» ее обозвал. А у меня с собой перцовочка, сам делаю, – Шурик приоткрыл пластмассовый холодильник.
- Турецкий папа закатил глаза и начал перебирать четки.
- Если это – мелкая месть, то глупо и пошло до безобразия – обиделся Лариосик.
- Помяни мое слово, – Шурик наклонился ко мне, – добром это не кончится. У меня этот чурка в феске вызывает дурное предчувствие.
- Кстати, чурка не от турка ли происходит? – задумался я над проблемами языкознания.
- Возможно, – Шурик нервно вытащил из кармана брюк пачку «Беломора» – откуда он доставал его в Калифорнии, оставалось загадкой. – Я их насмотрелся на святой земле. Он вот так сидит, четки перебирает, а потом достал нож и тебе в спину. Или еще хуже, динамитом обмотался, и в клочья. Ему-то что, шахиду, в рай к гуриям, а нам, неверным, подыхать, как собакам.
- Шурик несколько лет жил в Израиле и служил в Южном Ливане. Судя по всему, он знал, о чем говорил.
- Шахид! – радостно подтвердил папа и произнес что-то длинное.
- Отец говорит, что в русском языке много турецких слов, – перевел Уфук.
- Спроси у него, а он про Шипку слышал? – зевнул Серега.
- Мужики, кончайте заниматься великодержавным шовинизмом, – Лариосик явно чувствовал себя не в своей тарелке.
- А что? – Женька раздухарился. – Вот у меня картина висела, «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».
- Мирный-то он мирный, а про шахида сразу усек, – прошептал Шурик.
- А шахид это кто? – тоже шепотом спросил я.

– Ну этот, мученик за веру, типа солдат, погибший в бою с неверными или камикадзе, которые себя взрывают. У них все просто – погиб за Аллаха, и сразу в рай, прохлада, фрукты и гурии.

– Валлах, – насторожился папа.

– Нет, просто сказки тысячи и одной ночи в миниатюре, – Женька налил себе еще кофе.

– Папа просит остановиться, – смутился Уфук. – Время утренней молитвы.

– Алла акбар, – мелодично запел папа, совершая намаз. Словно по волшебству, над горами появился первый лучик солнца.

– Его папа тоже был турецким подданным, – сделал индуктивное обобщение Шурик и зевнул. – Вот так в Тель-Авиве, в торговом центре, толстый мужик с черными усами вдруг истошно орет «Алла!» Не дожидаясь «Акбар» и взрыва, на усатого идиота накидываются охранники. А он турист из Житомира, усатый этот, жена его Алла в ювелирном магазине потерялась. Короче, ехать надо, весь клев пропустим!

4.

Найти озеро Лох-Ломонд было непросто. Никаких указателей на дороге даже в помине не было. Туман висел клочьями, дорога была узкой, редкие домики прилепились к отвесному склону, ни дать, ни взять горный аул.

Турецкий папа начал нервничать. Нервозность передалась сыну, а затем и всем нам.

– Шурик, – я начал заводиться. – Ты нас всех сюда заманил, Сусанин хренов, давай теперь, руководи.

– Кажется, направо. Стой! Нет, я не уверен. Налево!

– Мы ползли вверх по проселочной дороге.

– Мужики, – проснулся Серега. – Что это?

– Где? – я судорожно нажал на тормоз. – Что?

– Сюр... – закашлялся Серега.

Из тумана выступала доска, висевшая на двух проржавевших цепях. На доске по-русски, игривыми завитушками было выгравировано: «Наша Дача».

– И здесь русский дух, – Шурик закурил очередную папиросу. – А уж что в салоне краем родным пахнет, это Жеке надо спасибо сказать. Нет, это же надо, чтобы русский человек вместо водки по утрам хлестал коньяк.

– Ни фига себе, надымил здесь «Беломором» и еще возникает! – огрызнулся Серега.

– Это что, – Женька хихикнул. – Я вот грибы собирал у Монтерея и вышел на заборчик с колючей проволокой, Пошел вдоль него, там как раз белые росли, а через сто метров – плац. Танк Т-34 стоит, на борту звезда и «За Родину» написано. Разбитый цемент, выцветшая масляная краска, транспаранты с подтеками «Служу Советскому Союзу» и «Слава КПСС».

– Кончай гнать, – поморщился Шурик.

– Тебе смешно. А я ведь решил, что крыша поехала. Вначале слезы на глазах выступили, потом ржать начал, сел на цементные плиты и дрожь меня взяла. Ну, думаю, вот как интересно, оказывается, живешь себе спокойненько, а потом бац, и свихнулся. Щипать себя за руки начал. Только потом увидел стрелочку и по-английски написано «Building 07». Мне бы, дураку, обрадоваться, а я и снова в слезы. Потом, правда, успокоился.

– Да ты просто своей росой злоупотребил.

– Хрен тебе, это была шпионская школа ЦРУ. Как холодная война закончилась, так ее и прикрыли до лучших времен. Охрану сняли, забор наполовину разобрали, только плац с танком и плакатами остался.

– Вода! Вижу воду! – заорал Шурик, почти как антипод матроса на паруснике Колумба. – Куда прешь, мать твою! – Шурик схватился за руль.

– Где? – вздрогнул я, ударив по тормозам

– Елки зеленые, еще три метра, и мы бы стали амфибиями... Уфф. Все хорошо, что хорошо кончается... – Шурик гадко подмигнул, придав скабресный смысл невинному высказыванию, открыл багажник, и начал совершать сложные манипуляции с удочками, катушками, грузилами, крючками и баночками с вонючими смесями, приманивающими обитателей водных глубин. – Мужики, с этого момента ни слова о политике, рыба – не человек, этой дряни не ценит и не переносит. Тишина – вот наш союзник. За мной, шагом марш!

5.

Шурик знал места, мы послушно шли за ним по тропинке, и, наконец, очутились в маленькой бухточке.

– Располагаемся здесь, – скомандовал Шурик. – Клев будет, а мы не будем терять времени. – Он достал из пластмассового холодильника бутылку домашней «Перцовки». – За нашу и вашу рыбалку.

– Я не хочу, – мрачно прикусил губу Серега. – Я сегодня только по пиву.

– Понял, – с уважением в голосе согласился Шурик.

Турецкий папа произнес что-то гортанно-укоризненное.

– Воистину воскресе, и вообще в нашу религию не лезь, – неожиданно встрепенулся Серега. – Шурик, наливай! Уфук, – перешел он на английский. – Объясни, что у нас масленица скоро, национальный праздник, и русскому человеку не пить – грех!

– Сейчас попробую, – Уфук был мрачен. Казалось, он уже пожалел, что согласился поехать с нами на рыбалку.

– Серый, ты же сам только что сказал, что сегодня не пьешь! – удивился Шурик.

– Да что я, турок какой-нибудь, честное слово!

– Тоже вариант, – на лице у Шурика появилась плутоватая улыбка.

Озеро Лох-Ломонд было красиво до безобразия. Горы, поросшие секвойями, обрывы. Черт его знает почему, но красота эта мне была неприятна. Что-то было не так, я некоторое время размышлял над тем, что же во всем этом великолепии неправильно... Запах. Запах травы, выгоревшей на солнце. Запах воды.

Вода пахла гнилью. Берег с пожелтевшей травой, испещренный норками, в которых прятались разноцветные змейки. А какие рыбалки случались в прошлой жизни... С чем сравнить мерцающие огоньки на другом берегу, гудки пароходов, волну, набегающую на берег, тлеющие угольки и дым, наваристую уху в закопченном чугушке, тосты, неожиданно яркие звезды в черном небе. К пяти начинало светать, над рекой опускался туман, было зябко и сыро, и пахло свежестью, листвой...

– Подсекай, подсекай, уйдет! – истошно завопил Шурик, прервав сладкую дрему воспоминаний.

Около берега билась форель приличного размера.

– Ребята, – Шурик радостно потирал ладони. – Начало положено.

Вскоре Серега вытащил еще одну рыбку, и наступило длительное затишье.

– А где же сомы? – лениво потянулся Женька. – Лучше бы я сегодня выспался как следует.

– А ты раньше времени не суетись. Клев будет. Кстати, это твоя донка? – насторожился Шурик.

Колокольчик на донке дернулся, решительно зазвенел, алюминиевый штырь угрожающе накренился над водой.

– Держи, держи его! – Шурик носился вокруг и руководил. – Женька, твою мать, подсекай!

Толстая леска на секунду ослабла, бессильно упала на берег, затем напряглась, и, вырвав удилище из земли, уронила Женьку в воду.

– Да тащи же ты! – кричал Шурик.

– Блин! – Женька упирался кроссовками в глиняное дно. – Вода холодная! Эй, подсобите, эта сволочь меня сейчас утопит!

– Ну и дела! – Шурик дрожал от азарта. – Господи, сколько лет рыбачу, такого не видел.

– Твою мать, – Женька, сопя, вылез на берег, и вытряхивал мокрую тину из кроссовок. – В Америке все большое. Если дерево, так десять метров в диаметре. Если рыба, так обязательно с ног собьет...

– Еще два термоса утреннего нектара выпей, тебя и форель уронит, – Серега всматривался в воду. – Вон она, смотрите!

Над поверхностью бухточки на секунду показалась темно-коричневая туша, длиной метра в полтора.

– Православные! – Серега в азарте схватился за леску! – С Богом!

– А вы выпендривались, мол, Шурик толстую леску купил. А я словно чувствовал.

– А может быть, это кит? – предположил Женька.

– Сам ты кит, озеро с океаном не сообщается.

Леска то ослаблялась, то натягивалась как струна.

– Это сом, мужики, – уверенно сказал Шурик. – Только очень большой. Отожрался здесь, как хряк.

– А ну, тащи его! Взялись, и – раз! И – два! Господа бога душу мать, что это?

Вода забурлила, и странное существо забилося около берега. Более всего существо это напоминало крокодила. По крайней мере, морда у него была совершенно крокодиля, плотоядно щелкающая зубами. Тем не менее, жабры, плавники и рыбий хвост были рыбьими. Хвост заострялся панцирными наростами, а плавники разветвлялись на множество костяных лучиков, заканчивавшихся наполовину оформленными когтями.

– Балык! Ды шара, ды шара, шейтан! – папа то ли возмутился, то ли испугался.

– Народ, да это динозавр какой-то... – растерялся Женька.

– Валла Акбар, – турецкий папа начал истово молиться.

– Да помолчи ты, янычар хренов, без тебя тошно, – зашипел Серега. – Чудище, поди прочь, чудище!

– Янычар, – удивленно повторил папа.

Будто почувствовав, что его побаиваются, крокодилоподобное существо решило перейти в наступление. Оно кровожадно клацнуло пастью, и, оттолкнувшись плавниками от земли, вцепилось Шурику в резиновый сапог.

– Пошел ты на хер, – передернулся от отвращения Шурик, и, схватив недопитую бутылку с пивом, что было силы, обрушил ее на голову дракона.

Бутылка разбилась, и я готов был поклясться, что рыба-крокодил издала жалобный писк. Она оскалилась, попятилась, вильнула хвостом с наростами, ударила по воде, подняв фонтан брызг, и исчезла в глубине, утащив с собой удочку.

– Ну, это по-нашему, чуть что, и по черепушке, – перевел дух Женька. – Ты в Израиле палестинских сирот так же умирал?

– Будешь еще выступать, тоже от меня по башке получишь, – Шурик вытаскивал из окровавленной руки бутылочные осколки.

Над озером воцарилось напряженное молчание. Все, происшедшее только что, казалось нереальным.

– Блин, что это было? – наконец, нарушил молчание Серега.

– Крокодил. Чистой воды крокодил, – смутился Шурик.

– Сам ты крокодил нильский. Откуда в Калифорнии крокодилы?

– Черт бы вас всех побрал, – Серега вздрогнул. – Я же говорил, что больше не пью. А вдруг это белая горячка?

– Так ты же сам налить попросил, – обиделся Шурик. – Православие еще приплел, чтобы туркам неповадно было. И вообще, хоть бы кто спасибо сказал, что я этого дракона по башке бутылкой шизданул.

– Вот ты сегодня не пил, – Серега обращался ко мне. – У тебя сознание просветленное, расскажи нам, что ты видел.

– Это была яшурица. Промежуточная ступень между крокодилом, рыбой и земноводными. Как падший ангел, который ни там и ни здесь...

– С тобой все понятно, Гребенщикова наслушался. Я тебя предупреждал, выкинь все эти пленки к чертовой матери.

– Ребята, а может, это снежный человек был? – Женька вдруг выпучил глаза.

– Ты что, совсем охренел, – возмущился я. – Я же сказал: земноводная.

– Нет, точно, это был местный водяной, – Женька закусил усы.

– Это на нас снизошло творческое озарение, наступает после больших доз «Утренней росы» – Шурик достал папиросу.

– Вот что я вам скажу, – заволновался я. – Хотя у нас высшее образование, монографии и ученые степени, мы все-таки жуткие, невообразимые жлобы.

– Это почему еще? – Шурик принял мои слова на свой счет. – Ты не обобщай, ты мне с обобщениями своими вот где сидишь!

– Мы только что видели чудо. Да, чудо! Лох-Несское чудовище сколько лет ищут с локаторами, так и не нашли. А эта рептилия к нам в руки сама шла. Ее надо было отвезти в музей. Или вызвать кого-нибудь из этих, ихтиандров.

– Ихтиозавров, чукча, – скривился Шурик. – Сам ты ихтиандр!

– Ихтиологов. Не в этом дело, – я почувствовал, что от волнения не могу четко сформулировать мысли. – Быть может, это единственный в мире экземпляр... А мы... По башке бутылкой, вот и все, на что нас хватило.

– Посмотрел бы я на тебя, естествоиспытатель хренов, когда бы эта историческая реликвия вцепилась тебе в ногу. Ты думаешь, я зря ее огрел? – Шурик стянул с ноги разодранный сапог.

– Ненавижу! – вдруг разразился рыданиями Серега. – Всех ненавижу.

– Ты чего, Серый? – испуганно спросил Лариосик.

– Надоело! Ненавижу эти чертовы выжженные горы, работу, дороги с вечными пробками, магазины с кондиционированным воздухом, озера с крокодилами, гремучих змей, кубики с аборигенами внутри, эти компьютеры. Домой хочу, снег хочу, не могу больше!

– Цилгин? – удивился турецкий папа и недвусмысленно покрутил пальцем у лба.

Серега рыдал, царапая руками мокрую глину и размазывая грязь по лицу.

– Ну, ты сказал, – вздохнул Шурик. – Не в бровь, а в глаз врезал. Вон, служитель порядка подгребает, так что ему сейчас про это все и объяснишь.

К берегу подъезжал катер с хромированными поручнями, сверкавшими в солнечных лучах.

6.

Управлял катером голубоглазый рэйнджер в рубашке цвета хаки. Форма стража порядка была выглажена до безобразной остроты складок. На фоне нордического аккуратиста мы являли собой жалкое зрелище: несколько помятых, небритых дикарей, измазавшихся в грязи, и один турок в архаичном национальном костюме.

– Рыбнадзор, – вздохнул Шурик.

– Доброе утро, – жизнерадостно произнес страж порядка, оскалившись неправдоподобной белоснежной улыбкой. Такую улыбку рекламировали по телевизору, предлагая скидку на универсальное отбеливающее средство для зубов.

– Доброе, – Серега с измазанным в глине лицом напоминал индейца на тропе войны.

– Почему нарушаете правила?

– Какие правила? – начал было Лариосик.

– Лицензии! – сурово произнес страж.

– Лицензии? – удивился Лариосик.

– Лицензии на рыбную ловлю должны быть прикреплены на видном месте. На груди, на головном уборе. У вас есть лицензии?

– Конечно, сейчас, – мы начали рыться в карманах, извлекая промокшие листочки с расплывшейся печатью.

– А ваша лицензия? – рыбнадзор указал пальцем на турецкого папу.

– Он сопровождающий, – объяснил Уфук. – Наблюдатель, он рыбу не ловит.

– Что за странная рыба в этом озере водится, – перехватил инициативу Женька. – Здоровущая, с длинной челюстью, на крокодила похожа.

– Почему на берегу разбитое стекло? – грозно спросил рэйнджер.

– Так мы же вам пытаемся объяснить. Мы поймали огромную рыбу, похожую на крокодила, она укусила меня за ногу, и тогда в порядке самообороны, я ударил ее по

голове бутылкой, – Шурик запнулся, видимо осознав, что изложенная им история выглядит совершенно бредовой.

– Вы пьяны.

– Я? – смущенно переспросил Шурик.

– Вы находитесь в состоянии алкогольного опьянения. Учтите, я наблюдал в бинокль за тем, как вы пили, – страж порядка направился к пластмассовому холодильнику. – Водка, – он брезгливо взял в руки бутылку и, открутив пробку, вылил ее содержимое на землю. – Закон округа запрещает употреблять алкогольные напитки на берегу водоема. Подтверждаете ли вы факт употребления алкогольных напитков на территории парка?

– Нет, – с готовностью ответил Шурик. – Надо все отрицать, – прошептал он нам по-русски. – Пока суть, да дело, все выветрится, и хрен они чего докажут.

– Вы настаиваете на официальном анализе? – Инспектор направился к лодке и вернулся с прибором, подмигивающим зелеными лампочками.

– Вот гады, у них и анализатор под рукой, – расстроился Шурик. – Цивилизация на грани фантастики.

– Мы действительно выпили, но где написано, что это запрещено? – Женька качал права. – Мы не видели ни одного запрещающего знака.

– При въезде в парк установлен плакат с правилами.

– Никакого плаката мы не видели, туман стоял.

– Вы должны были знать, что существует закон штата, – на лице у стража промелькнуло недоумение. – Вы и в самом деле не видели предупреждения?

– Не видели, мистер, мы с трудом нашли дорогу, чуть все в озеро не упали, – развел руками Женька. – Вот, вымокли все на хрен, – он продемонстрировал закатанные до колен штаны, измазанные в тине. – И крокодил этот кусается.

– Да помолчи ты, дурень, – Шурик дернул его за рукав.

– В таком случае...– инспектор явно не знал, как ему быть. Намерение строго соблюсти закон боролось в нем с подозрением, что, возможно, он сам этот закон нарушает. – Учтите на будущее, что алкогольные напитки на территории парка запрещены. У вас с собой еще есть алкоголь?

– Только пиво, – мрачно указал я на сумку.

– Я обязан конфисковать и уничтожить все алкогольные напитки.

Пиво полилось на землю, мутными ручейками стекая в озеро. Серега глухо застонал.

Голубоглазый аккуратист был раздосадован, даже уничтожение ликеро-водочных изделий не принесло ему душевного облегчения. Возможно, у рэйнджеров был свой план по выдаче штрафов, как у полицейских, к концу месяца начинающих хватать всех подряд за невинное превышение скорости.

– Одну минутку, – лицо инспектора осветилось праведным негодованием. – Почему у вас шесть удилиц, а рыболовных лицензий только пять?

– Уй, е-мое, – страдальчески скривился Шурик. – Сейчас он нас поимеет по полной программе, от и до. И, формально, будет прав.

– Ваши рыболовные лицензии... – инспектора явно раздражало то, что мы разговариваем между собой на непонятном языке. Он достал планшет и начал заполнять разноцветный бланк рапорта. – Наличие удилица при отсутствии лицензии на его использование приравнивается... К браконьерству, преследуется по закону, с конфискацией приспособления для рыбной ловли... Число. Подпись.

Голубоглазый нибелунг подошел к телескопической удочке Сереги с пробковой ручкой, вытащил ее из подставки, и начал вытягивать леску из воды.

– Эй, человек, ты полегче, – Серега схватился за удочку. – Ты чего это за мою снасть взял? У меня она одна, я ничего не нарушал.

– Назад! – закричал страж. – Отойти на три шага назад!

– А ты мне здесь не указывай, – Серега рассвирепел и перешел на русский. – Отдай удочку, дубина стоеросовая.

– Серый, ты бы ему еще по-турецки объяснил. Лучше не связывайся. Видишь, принципиальный попался, – попытался смягчить ситуацию Женька.

– Всем отойти назад!

– Да пошел ты, – удочку Серега так и не отпустил, и попытался оттолкнуть рэйджера. Лицо инспектора побагровело, он выпустил удочку из рук и решительным движением вытащил из кобуры автоматический пистолет.

– Лечь на землю, руки за голову! Не двигаться!

– Слышь, Серега, не качай права, – посоветовал Женька, плюхнувшись на живот. – Видишь, он правильный, как Тимур и его команда.

– What are you doing for God's sake! – Серега неохотно лег. Под дулом пистолета он перешел на английский.

– Молчать! – рявкнул инспектор. – Руки за голову.

7.

Лежать на животе, положив руки на голову, было довольно неприятно. Инспектор ощупал наши карманы и теперь был занят обыском ящичков с рыболовными снастями.

– Бывают же идиоты на свете, – вздохнул Женька.

– А ты весь из себя такой крутой, – огрызнулся Серега. – «Ложись, Серый, не связывайся». Надо было накостылять ему как следует, и смыться.

– Ну, прямо, накостылять, – Шурик лежал слева от меня. – Себе дорожке выйдет. И потом, у него наши рыболовные лицензии.

– Лицензии заберем.

– Ты думаешь, он наш номер не записал? – Не далее, как в прошлом месяце я обновил регистрацию машины, сообщив органам власти новый домашний адрес и телефон.

– Чего он там ищет, сука? – Сергей приподнял голову.

– Кто же его разберет? Просто власть свою выказывает.

– Ничего не поделаешь, – Женька занял примирительную позицию. – Раз попались, надо терпеть, нести свой крест, так сказать.

– Интеллигенты хреновы, – Серега закипал на глазах. – Говно вы, а не люди, и толку от вас никакого, вред один. Вас во все дырки имеют, а вы скулите. Крест нести, крест нести! По одной щеке дадут, а вы другую подставите. Надо ему врезать!

– Наконец-то, – хмыкнул Шурик. – Ветхий завет и здравый смысл побеждают. Среди нас объявился воинствующий древний иудей.

– Эй ты, с бородой, полегче на поворотах, – возмутился Серега. – Ты православных к своей нации не примазывай.

– Прекратить разговоры! – раздраженно рявкнул инспектор.

– Ребята, не нарывайтесь, – разволновался Лариосик. – Кто знает, что этому придурку в голову взбредет.

Отец Уфука неожиданно начал причитать что-то ужасно жалобное. Он приподнялся, глаза его начали слезиться.

– Не двигаться! – рэйдджер, казалось, вот-вот лопнет от злости.

Папа распростер руки и пополз на коленях к рэйдджеру, продолжая издавать жалобные звуки.

– Я сказал, лежать! Что, непонятно?

Папа совсем растерялся, он попытался лечь, но вместо этого сел на землю.

– Лечь! Вниз! – Инспектор нацелил пистолет на пожилого турка.

– Он не понимает по-английски! – в ужасе закричал Уфук. – Он иностранец! Не стреляйте! Ата, эмирле ят! – объяснял что-то Уфук.

Отец Уфука покорно лег на живот. Он дрожал и глухо всхлипывал, как обиженный ребенок.

– Вы не имеете права издеваться над человеком, – возмутился я. – Вы же видите, он испуган.

– Я выполняю инструкцию.

– Вы превышаете свои полномочия. Учтите, я обращусь к своему адвокату!

– Вот как?

Рэйдджер отвлекся от турецкого папы. Он подошел ко мне и присел на корточки, так, что я почувствовал его дыхание. Теплые струйки воздуха вызывали озноб и физическую брезгливость, будто на шею перебирало лапками мохнатое насекомое.

Страж порядка щелкнул предохранителем. Мне стало страшно. Рассудком я понимал, что инспектор не выстрелит, если он только не псих, а вероятность этого была ничтожной, но тело не слушалось. Вначале руки, а потом и спина начали дрожать. Я презирал сам себя, но примитивный, звериный ужас прятался где-то в позвоночнике и покрывал кожу ледяными пупырышками.

– О кей, – голубоглазый довольно хмыкнул. – Валяй, подавай на меня в суд, – негромко сказал он. – Хотя, сдается мне, никакого адвоката у тебя нет.

Он был прав, никакого адвоката у меня не было.

8.

Турецкий папа продолжал время от времени всхлипывать.

– Почему ты все время скулишь? – миролюбиво удивился рэйдджер. Он деловито заполнял протокол, состоящий из толстой пачки разноцветных бумажек. – Порядок есть порядок. Все лежат, значит и тебе надо лежать. Ты ведь теперь понимаешь, что значит «лежать»? – он подошел к отцу Уфука, поигрывая пистолетом.

– Уфук! – в отчаянии закричал папа, встав на колени.

– Он вас не понимает, мистер, – испугался Уфук.

– Ерунда. Даже моя собака знает, что такое «лежать». Лечь! – Рэйнджер занялся дрессировкой старика, которая, казалось, доставляла ему наслаждение. – Лечь, я сказал, – он жестикулировал, нацелив пистолет на турка.

– Хайыр, – заголосил папа, вжав голову в плечи.

– Вниз! – инспектор наклонился над отцом и решительно толкнул его в спину.

Папа ткнулся лицом в землю. Он разбил губу, из уголка рта потекла тоненькая струйка крови.

– Ата! – Уфук бросился к отцу, в точности воссоздав композицию картины «Иван Грозный убивает своего сына».

– Назад! – взревел рэйнджер.

Того, что случилось в следующее мгновение, никто из нас впоследствии объяснить не смог. Будто повинуясь неожиданному импульсу, мы одновременно поднялись с земли и загородили турецких подданных от инспектора.

Возможно, способность к групповой синхронизации досталась людям от далеких предков. Так серебристая лента рыбок в аквариуме в одно неуловимое мгновение разворачивается, будто получает команду свыше, и судорожно удирает от хищника, притаившегося на дне. А в стае жить легче, и умирать тоже легче, и совсем не так страшно, как по одиночке.

– Всем лечь! – рявкнул рэйнджер, размахивая пистолетом. – Считаю до трех.

– Мы не ляжем, – с вызовом заявил Лариосик.

– Какого дьявола! По инструкции, я имею право открыть огонь.

– Ты сейчас извинишься перед стариком, – огрызнулся Серега. – По-хорошему советую.

– Что? – возмутился инспектор. – Что ты сказал?

– Спрячь свой пистолет, и повторяй за мной «Я очень сожалею, мистер. Этого больше не повторится».

– Я имею право вас арестовать, – пригрозил рэйнджер.

– Йокаламэнэ, – сжал кулаки Серега, опять перейдя на русский. – Я тебе русским языком говорю: Убери пушку, скотина. Иначе звездану тебе по тыкве, и гуд бай Америка. Ферштейн?

– Серый, только без рук, – посоветовал Шурик. Он деловито пытался счистить с куртки грязь. – И ради бога, говори с ним по-английски. Не надо этих излишних германизмов, ни к чему они.

– Вы оказываете сопротивление представителю федеральной власти. Это серьезное уголовное преступление.

– А ты папе губу разбил, – я судорожно обдумывал, что делать дальше.

– Это неправда! Задержанный не выполнил команду.

– А ты вообще-то знаешь, кому ты губу разбил? Папе! Ты понимаешь, что такое для нас ПАПА? Ты всех нас смертельно оскорбил! – на меня снизошло злобное вдохновение. – Почему ты к нему привязался? Хочешь нашего Папу? Скажи, хочешь?

– Черт возьми, – растерялся рэйнджер. – О чем идет речь?

– Тебе разве на совещаниях не объясняли, что сексуальные меньшинства надо уважать? – я почувствовал, что застал инспектора врасплох, и продолжал импровизировать.

– Что здесь происходит? – оторопел страж порядка.

– Нет, это ты нам сейчас ответишь. У вас в службе национальных парков в этом году уже проводили обязательную переподготовку по сексуальной терпимости? Не проводили? Оно и видно! А как же федеральные инструкции?

– При чем здесь? – рэйнджер в недоумении посмотрел на меня, потом на турецкого папу, взгляд его упал на Лариосика, кокетливо состроившего бесстыдную морду. – Боже всемогущий! – инспектор проникся страшной догадкой и закашлялся, подавившись слюной.

– Да, именно, – подтвердил я. – Надо было думать, когда говоришь нашему папе «ложись»! Мы этого так не оставим. Не завидую я тебе. Считай, что карьера инспектора перечеркнута. Вся жизнь насмарку, форму отберут, пистолет тоже, и будешь ты в супермаркете рыбу расфасовывать. Знаешь же, что бывает за некорректное отношение к нашему брату...

– Oh, Shit! – Выругался инспектор. – Откуда же я мог...

– Послушай, давай договоримся: уезжай-ка подобра-поздорову, – ловко перехватил Шурик инициативу. – Ты свою квитанцию выписал? Мы признаем. Удили лишним удилицем. Так что давай квитанцию, и уматывай.

– Такой ты голубоглазенький, чистенький, посмотреть приятно! – вступил в игру Серега, сделав шаг вперед.

– Вылитый креол, – подтвердил Лариосик.

– Эй, эй, руки! – инспектор отступал к берегу, на всякий случай держа пистолет на вытянутой руке. – Ваша копия протокола, – бросил он на землю желтый листочек. – Повестку в суд пришлют по почте в течение двух недель. Не подходить! Стоять на берегу! – он запрыгнул в катер.

– «От винта!» кричал Карлсон, отбиваясь от гомосексов, – подвел итоги Шурик.

– Развели всякую мразь, – в сердцах выругался инспектор, оттолкнув катер от берега. – Иностранцев, геев, жидов.

– Кто здесь жид? – взревел Серега. – Достали уже!

– Ну ты даешь, блин! – Шурик хлопнул меня по плечу. – Не пил же вроде, как только такой бред в голову пришел...

– Поработай у нас в фирме, еще не такое озарит. Мне на прошлой неделе два дня подряд мозги промывали: обязательные ежегодные курсы. Все объяснили: как надо уважать сексуальные меньшинства, как нельзя бабам на работе улыбаться, и так далее.

– Край непуганых идиотов, – вздохнул Шурик. – Я только надеюсь, что Уфук с папашей ничего не поняли.

Мы обернулись. Наши подопечные чувствовали себя неплохо. Папа вытирал рукой разбитую губу, а Уфук тараторил что-то успокаивающее, периодически поглаживая старика по голове.

9.

На обратном пути мы молчали. Говорил только турецкий папа. Он как-то мгновенно постарел, ссутулился, стали видны морщины на лице, высохшая кожа и усталые глаза. Руки его дрожали. Почему-то казалось, что этот человек провел всю жизнь, работая в поле с мотыгой в руках.

Когда гости вылезали из машины, папа неожиданно замолк. Он стоял и смотрел на нас слезящимися глазами. Уфук попытался выдавить из себя что-то вроде «спасибо», но не смог. Неловкость развеял Серега, поднявший в воздух два пальца.

– «Галатасарай» – чемпион! – заявил он.

– Галатасарай, – просветлел папа и помахал рукой.

– Серый, ты чего ему сказал? – удивился Женька.

– Это у них футбольная команда. Типа нашего «Спартака», – снизошел до объяснения Сергей.

– А вообще-то, мы здесь расслабились. Нежными стали, тонкокожими, чувствительными, – пришло мне в голову. – В Европе скинхеды турок по ночам жгут, а уж про Россию я молчу. Там бы тебя, Серега, менты по морде сразу отделали, да и сапогами по ребрам, и никому ничего не докажешь.

– Да все лучше, чем цивилизованным фашизмом заниматься. Когда бьют сапогами, все просто и понятно, а тут... Мразь.

– А это себе скажи спасибо. Дикарь. Надо было действовать цивилизованно, а не удочку из рук вырывать.

– И как это – цивилизованно – по-твоему?

– А надо было вежливо сказать с Оксфордским выговором: «Вы не правы, сэр».

– Да ну тебя на хрен. Заколебало все, – Серега задумался. – И на кой хер мы здесь живем?

– Ну, это вопрос философский. Потому что дома работы для нас нет, бизнесом заниматься не умеем, или не хотим, и так далее.

Мы заехали в магазин. Купили мясо и водку. Потом завалились к Сереге, мясо зажарили и съели, водку выпили. Серегу в последнее время почему-то тянет на черно-белые ленты сталинских времен, он объясняет это генетической памятью. Так или иначе, этой ночью мы смотрели «Два бойца». Над тихим кварталом одноэтажных домиков разливался нестройный хор, поющий «Шаланды, полные кефали». Потом пришла соседка и попросила нас петь потише, потому что мы мешаем ей работать. «Я работаю дома», – возмущенно объясняла она. Когда соседка ушла, мы тихонько спели про «Темную ночь». Около полуночи за Шуриком приехала смирившаяся со своей участью Маринка, а мы остались ночевать у Сереги, и долго обсуждали, победил бы Гитлер в войне, не будь у нас Сталина.

Ночью мне снился кошмар. Была война, и на каждом шагу вооруженные автоматами патрули проверяли документы. Завтра нас должны были выгнать из домов и расстрелять. Я собирался прорываться на юг, почему-то на мотоцикле, который никогда до того не водил. Мне уже удалось выбраться за город, как две капли воды напоминавший небольшую голландскую деревушку, в которой я когда-то прожил несколько недель. На асфальтовой дорожке, среди невысоких сосенок и холмиков, поросших вереском, меня с ухмылкой поджидал вчерашний рэйнджер. Он был в нацистской форме со шмайсером.

10.

Суд назначили только через пять месяцев. Обвиняли нас в браконьерстве и оказании сопротивления при задержании, за что полагался штраф, а в худшем случае до полутора лет тюрьмы.

С адвокатами нам не везло. Один из них, дорогой и приличного вида, пожал плечами и отказался вести дело. Он считал, что доказать превышение рэйнджером своих полномочий будет практически невозможно, а бояться нам следует только штрафа на кругленькую сумму. Другой почти было согласился, но произвел на меня впечатление мелкого жулика, так как сочувственно вздыхал и клялся, что только он сможет спасти нас от тюремных решеток. Третий заломил огромный гонорар и потребовал половину вперед. Гонорар, затребованный третьим адвокатом, многократно превышал максимальный штраф, названный первым. В результате от адвокатских услуг мы отказались.

Я провел несколько выходных в муниципальной библиотеке, пытаюсь изучить хитросплетения закона. Вопрос упирался в то, оказали мы сопротивление стражу порядка, или нет. Возможных трактовок этого самого сопротивления оказалось столько, что я отчаялся понять что-либо в запутанных прецедентах, и дело это забросил.

Отослано было гневное письмо в управление национальных парков, с копиями в мэрию и куда-то еще в вышестоящие инстанции. На письмо пришел вежливый, совершенно не относящийся к делу ответ, написанный во вполне совковом стиле, про то, что служба охраны парков улучшается с каждым годом.

Женька раскопал смутную общественную организацию, занимающуюся защитой гражданских прав, но толку от них не было никакого, только вред. Защитники прав продали адреса и телефоны потерпевших в базу данных, и нас начали заваливать по почте невообразимым количеством всякой дряни, не говоря уже о назойливых телефонных звонках, предлагающих купить что-нибудь ненужное.

У турецкого папы после злополучной рыбалки начались приступы стенокардии на почве нервного стресса. Уфук потащил его к врачу, сделал официальное медицинское заключение, и невероятными усилиями добился того, что посольство Турции разразилось письмом с протестом против грубого обращения с иностранными подданными. Письмо было подшито к делу.

В день, на который было назначено слушание, разбиралось еще несколько десятков всяких скучных дел, связанных с охотой и рыболовством. Кто-то выловил с катера лосося редкой мраморной породы и должен был платить штраф. Кто-то еще укрыл от инспекции пойманную сверх нормы рыбу. Кто-то развел в парке костер, и плясал вокруг него нагишом, и так далее.

На каждое дело уходило не более десяти минут, судебное производство было поставлено на поток. Наконец, дошла очередь и до нас.

Показания рэйнджера выглядели так: группа подозрительных личностей нарушала закон. Они употребляли на берегу алкоголь, били бутылки, занимались браконьерством и попытались оказать сопротивление представителю власти. Последний вынужден был прибегнуть к силе, и, угрожая табельным огнестрельным оружием, геройски восстановил общественный порядок.

От нас выступал Уфук. Он призывал к соблюдению свободы личности, потрясал медицинскими справками и письмами из посольства, объяснял про угрозы, стенокардию, разбитую губу и унижение человеческого достоинства.

– Штраф триста пятьдесят долларов с каждого, – со скукой в голосе вынес вердикт судья.

– Но, ваша честь, – не выдержал я. – Мы считаем, что сотрудник инспекции нарушил наши конституционные права.

– Штраф четыреста пятьдесят долларов за неуважение к суду. Будете еще препираться?

– Нет, ваша честь – вздохнул я.

На улице было жарко. Уфук проклинал американское правосудие и грозился уехать в Турцию, тем более что папа посылал ему пространные послания. В них четкой нитью проходила одна и та же мысль: Америка – нехорошая, несправедная страна.

Сергея был полон мстительных планов: вынашивал мечту о том, как подстерожет рэйнджера и набьет ему морду. Мысль об этом грела, он матерился и сжимал кулаки, но неожиданно замолчал. Рот его раскрылся от удивления.

– Это она! Убейте меня, как вылитая! Вон там, на автобусе.

И тут я тоже увидел ее. Эту странную рыбу-крокодила, которую мы чуть было не поймали в тот день. Рыба была нарисована на автобусе рядом с любопытными детскими мордочками. «Академия наук Калифорнии», гласила надпись. – «Аквариум, планетарий, музей – развлечения для всей семьи».

Через полтора часа мы стояли у толстого аквариумного стекла и с удивлением рассматривали зловещую рыбку с пустыми глазами.

– Цыпа, цыпа, плыви, плыви сюда, – пытался приманить рыбку Сергей, постукивая пальцем по стеклу. – Смотри-ка, и плавники такие же. Здорова... Кило под пятьдесят потянет.

Выглядели мы среди толпы маленьких детей с родителями несколько дико, одна девочка даже спросила тоненьким голоском у мамы: «А что эти дяди тут делают?» – «Они, наверное, изучают рыб», – ответила мама.

– Древняя животная, – удивился Женька. – Видишь, здесь написано, что они живут в горных озерах в Южной Америке. Как же ее в Калифорнию занесло? Ветром, что ли?

– Эти рыбы почти не изменились за триста миллионов лет, – вздохнул я. – С людьми сложнее. Внешне они адаптируются к окружающему: бреются, носят выглаженную одежду, умеют пользоваться компьютерами. Внутренне...

– Надоел ты мне, философ доморощенный, – отмахнулся Шурик. – Лично у меня внутри образовался вакуум. Давно пора что-нибудь туда запихнуть, желательнее большое и жирное.

– А ты и внешне не изменился, посмотри на себя, типичный хищник, – парировал я. – Ну ладно, поехали обедать.

11.

Теперь мы ездим рыбачить на океан. Время от времени удастся поймать лосося. Там, на просторе, в брызгах соленой воды, чувствуешь себя свободнее. Да и люди вокруг сплошь колоритные, морские волки, будто сошедшие со страниц старой американской классики. Мне они нравятся, на рыболовецких катерах мы не встретили еще ни одной сволочи.

Уфук от рыболовной компании откололся. Вскоре после суда он съездил на родину и привез в Калифорнию молодую жену-турчанку необыкновенной красоты, с огромными черными глазами и длинными ресницами.

.oOo.